Истомин А. А. Этносоциальная стратификация в российской колонии Росс в Калифорнии (1812—1841) / А. А. Истомин // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 321—334. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-321-334.

Istomin, A. A. (2019). Ethnosocial Stratification in the Russian Colony Ross in California (1812—1841). *Nauchnyi dialog*, 12: 321-334. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-321-334. (In Russ.).

УДК 94:316.347(47-52)(739.4)“1812/1841”+94(47).072/.073

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-321-334

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ КОЛОНИИ РОСС В КАЛИФОРНИИ (1812—1841)¹

© **Истомин Алексей Александрович (2019)**, orcid.org/0000-0003-0394-5280, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Америки, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва, Россия), alaist-2009@mail.ru.

Рассматривается этносоциальная стратификация населения российской колонии Росс (ныне Форт-Росс), существовавшей в 1812—1841 годах в Калифорнии как форпост Российско-Американской компании. Дана общая характеристика населения колонии Росс, его распределения и этнодемографической структуры в ее динамике. Автор делает вывод, что в Россе пестрота этнического состава населения сочеталась с его достаточно четкой (хотя иногда несколько условной) этносоциальной стратификацией по общему для всей Русской Америки типу, основанному на комбинации этнических и профессионально-образовательных признаков. Показано, что место индивида в этой стратификации определялось дифференциацией колонизаторов и туземцев, связанной с ней степенью культурной и государственно-политической близости к колониальной элите, производственной квалификацией, формой и размером оплаты. Автором выделяются пять этносоциальных страт в составе населения Росса: административная элита; русские рабочие («промышленные»), к которым примыкали финляндцы и якуты; креолы (метисы) и аборигены «в службе Компании»; зависимые от Российско-Американской компании «алеуты» (в основном кадьякские эскимосы); местные индейцы, ставшие «основанием» социальной пирамиды. Рассматриваются наиболее принципиальные различия между стратами и социально-историческая природа системы эксплуатации калифорнийских индейцев.

Ключевые слова: Русская Америка; Форт-Росс; этносоциальная стратификация; колониализм; колонизация; Калифорния; Российско-Американская компания; индейцы.

1. Общая характеристика населения колонии: распределение и численность

Колония Росс была основана Российско-Американской компанией (РАК) в Северной Калифорнии в 1812 году и ликвидирована в 1841 году ввиду убыточности. Росс создавался в качестве базы для промысла калана в калифорнийских водах с перспективой превращения в центр сельского хозяйства для снабжения Аляски продовольствием. Одновременно это был военно-политический форпост и плацдарм РАК в Калифорнии, а также перевалочный пункт в русско-калифорнийской торговле. Однако в доступных акваториях калан был вскоре истреблен, а развитие

1 Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии Российской академии наук.

сельского хозяйства, как и перспективы международного признания и даже территориальной экспансии, ввиду недостаточности средств не оправдали ожиданий, что и предопределило решение о ликвидации [РвК, т. I, с. 103—108].

Давая общую характеристику населения колонии Росс, необходимо отметить особенности его пространственного распределения: для колонии была характерна высокая концентрация населения — подавляющее большинство ее жителей обитало в крепости Росс и близ нее. Русские, финляндцы и креолы (метисы) жили в казармах внутри крепости и в домах за ее стенами. Между крепостью и морем располагались жилища так называемых «алеутов» (общее название для алеутов и кадьякских эскимосов, эксплуатируемых РАК), а рядом с селением Росс к концу 1830-х годов сложилось индейское поселение, пополняемое каждое лето пригнанными аборигенами, с численностью жителей в несколько сот человек [Laplace, 1854, t. 6, p. 144—163]. Это связанное с этносоциальной дифференциацией районирование Росса отмечают и археологи, соответственно выделяющие здесь четыре этнических жилых района (крепость и вне ее русский, алеутский и индейский районы) [Lightfoot et al., vol. 1., Berkeley, 1991, p. 22; Lightfoot et al, vol. 2., 1997, p. 11.].

Кроме собственно «селения и крепости Росс» (такая формулировка преобладает в документах), в Русской Калифорнии изначально существовали еще два мелких поселения. Это были Порт Румянцев в заливе Бодега (где швартовались русские корабли), состоявший из 1—2 строений (склад, затем также баня), охраняемых двумя-тремя кадьяками или русскими, и существовавшая в 1812—1835 годах небольшая (до 30 человек) зверобойная артель на Фараллонских о-вах, состоявшая обычно из русского, группы аляскинских зверобоев и их сожителей.

В 1830-х годах с целью расширения посевных площадей южнее Росса были основаны три фермы-усадыбы (т. н. *ранчи* — от исп. *ranchos*): селение Костромитиновское (Костромитиновка), Хлебниковские равнины и Равнина Черных (Ранча Черных). По свидетельству В. Завойко, в селе Костромитиновском в августе 1838 года под надзором четырех русских 250 индейцев (судя по контексту, пригнанных) выполняли все земледельческие работы [Завойко, 1840, с. 97—99].

Общая численность жителей Росса колебалась, но не превышала 300 чел.: в 1820 году — 260 чел., в 1821 году — 175 чел., в 1833 году — 293 чел., в 1836 году — 260 чел [Istomin, 1992, p. 9; РвК, т. II, с. 97, 218]. В это число не включаются временные жители Росса — индейцы, приходившие, а затем обычно пригоняемые силой.

2. Этнический состав населения

В связи с этносоциальной стратификацией необходимо отметить, что по составу населения колония Росс отличалась резко выраженной полиэтничностью — как, пожалуй, ни одна из других колоний Российско-Американской компании (РАК). Особенно ярко это было выражено на начальном этапе, когда потребность в зверобойном промысле потребовала перемещения в Росс большого количества зависимых аборигенов Аляски, а еще сохранявшаяся тенденция к широкой экспансии и ситуация открытого поиска новых территорий создавали возможность

для появления в Россе представителей достаточно экзотических этносов — например, гавайцев.

О динамике этнодемографической ситуации в колонии на начальном этапе ее развития позволяют судить два списка (переписи) ее жителей, сделанные правителем Росса Иваном Кусковым в июне 1820 и октябре 1821 годов в канун своего отъезда. Материал этих переписей (в ограниченном объеме) был впервые введен в научный оборот С. Г. Федоровой [Федорова, 1973, с. 166—167], сами переписи опубликованы нами в 2005 году [РвК, т. I, с. 412—436], а их английский перевод — в 2014 [RC, vol. I, p. 420—441, 465—469].

Исследование материалов переписей Кускова с целью, в частности, точного определения этнодемографической структуры населения колонии Росса и динамики ее эволюции на протяжении чуть более года показало наличие представителей 12 зафиксированных (а фактически 14) этносов и одной промежуточной группы в период 1820—1821 годов [Istomin 1992; Истомин, 1996].

Это, наряду с выходцами из российской Евразии, алеуты и южноалаяскинские эскимосы, в числе последних присутствуют как кониаг (кадьякцы) и родственные им катмайцы с п-ова Аляска, так и чугачи. Переписи также отмечают отдельных представителей индейских народов Аляски (тлинкитов, танаина). Кроме того, не отмеченная в переписях жена И. А. Кускова Екатерина предположительно относилась к индейцам хайда [РвК, т. I, с. 59]. Среди жителей Росса отмечены даже полинезийцы (гавайцы), или «сандвичане».

Состав выходцев из Евразии был также неоднороден: наряду с этническими русскими присутствовали якуты и не отмеченный в переписях уроженец Финляндии, новый правитель колонии Карл Шмидт. Уроженцев Финляндии (финляндцев) чаще всего приходится, ввиду отсутствия или недостатка биографических данных, условно рассматривать как единый этнос; это могли быть как финны, так и финляндские шведы — за единственным исключением человека с фамилией несомненно угро-финского происхождения (Укко). В тогдашней Финляндии повышение социального и культурного статуса сопровождалось приобщением финнов к шведскому языку и смешению с шведами (с соответствующими последствиями для антропониимики).

Наконец, промежуточной группой, имевшей наибольшие потенции роста численности, были креолы — потомки от смешанных браков русских с коренными жителями Америки — вначале главным образом алеутами и кадькцами, а впоследствии также с калифорнийскими индейцами.

Калифорнийские индейцы, жившие в Россе (1820 год), принадлежали к четырем этнолингвистическим общностям — прибрежным (береговым) мивок, кашайа (или юго-западным помо), южным и центральным помо. Разумеется, всех этих этнонимов, созданных (за исключением *кашайа*) много позднее авторами современной этнографической классификации, И. А. Кусков не знал, но он смог четко выделить четыре группы индейцев Росса, географически (а в случае с *мивок* — и лингвистически) совпадающие с указанными общностями [РвК, т. I, с. 413—436]. Кроме того, в Россе встречались отдельные представители и других

групп помо — центральных и, возможно, внутриматериковых [Истомин, 2006, с. 500—501].

Несмотря на резкое изменение на протяжении немногим более года абсолютной численности взрослого населения Росса в 1820—1821 годах, для колонии характерна устойчивость этнодемографических пропорций, процентного соотношения между различными этническими компонентами. Русские составляли лишь около 14 %, креолы — около 7 %, на долю эскимосов Аляски приходилось чуть более половины населения — 50—51 %, подавляющее большинство из них — это кадыякцы (кониаг), в то время — крупнейший этнический компонент населения [Istomin, 1992, p. 9].

Калифорнийские индейцы в 1820—1821 годах составляли более одной пятой взрослых жителей Росса — около 22 %. Подавляющее большинство из них — это индеанки¹, жены или сожительницы поселенцев, в то время главным образом эскимосов, а также креолов. Индеанки составляли большинство среди взрослого женского населения колонии — 60 % — 63 %. За ними следовали эскимоски и креолки; русские женщины в это время в селении отсутствовали. Наряду с русским промышленным и кадыакским охотником на морского зверя индеанка представляла один из трех основных этносоциальных типов жителей Росса во времена Кускова. Это была домохозяйка, «женщина» пришельца и мать его детей. Индеанки быстро усваивали элементы иной культуры (как это наглядно видно из дневника Ф. П. Литке [РвК, т. I, с. 290—291]) и становились, несомненно, посредниками в культурном обмене между пришлым и коренным населением, особенно с учетом высокой текучести этой прослойки — с отъездом мужчин на Аляску многие индеанки возвращались «на свое природное место» (словосочетание-клише из переписей Кускова). Судя по именам, лишь немногие из индеанок Росса были в это время крещены: из 57 калифорнийских индеанок, упомянутых в переписях 1820 и 1821 годов, только четыре наряду с аборигенным имели и русское православное имя.

Большинство живших в Россе пар не состояли в формальном браке. Индеанок — сожительниц колонистов Кусков называет в переписях как правило просто «девками».

Число индейцев-мужчин в колонии было невелико. Почти все они были заключенными, отбывавшими наказание и работавшими на Компанию. Чисто индейские (не смешанные) семьи в это время в Россе практически отсутствуют.

К середине 1820-х становится обычным приход окрестных индейцев на сезонные полевые работы и их поселение в Россе семьями (до 20 семейств к концу 1825 года). Индейцы, как прирожденные собиратели, обладали достаточной квалификацией для тех сельскохозяйственных работ (посевных, уборочных — кроме непривычной дойки) с их примитивной агротехникой, для которых они приглаша-

1 В словарях русского литературного языка предлагается использовать для *индейцы*, *индийцы* и *индианцы* один и тот же феминитив *индианка*, однако автор статьи считает более корректным вариант *индеанка*, уже достаточно прочно вошедший к настоящему времени в научный обиход.

лись в массовом количестве [Истомин, 1996, с. 45]. Вознаграждением им была еда, отличившимся — предметы одежды [РвК, т. I, с. 640].

Дальнейшую динамику этнодемографической ситуации можно проследить по данным Ф. Врангеля (1833) и И. Вениаминова (1836). По донесению Главного правителя колоний Ф. П. Врангеля в Главное правление РАК «О обозрении селения Росс» от 10 апреля 1834 года, на момент его приезда в Росс (июль 1833 года) «при селении» числилось 293 человека, из них 199 взрослых старше 16 лет (индейские дети остались «не считаны»). Из числа взрослых 45 чел. составляли русские (в большинстве мужчины), 25 чел. — креолы (в т. ч. 15 женщин), 57 чел. — «алеуты» (среди них мужчины преобладали) и 72 чел. — индейцы (примерно равное соотношение мужчин и женщин) [РвК, т. I, с. 97]. При посещении Росса И. Вениаминовым в 1836 году там проживало 260 чел., из них 120 русских, 51 креолов, 50 «алеут кадьякских» и 39 «индейцев крещенных» [РвК, т. I, с. 218].

Высокая степень полиэтничности осталась характерной чертой Росса до последних дней колонии, хотя соотношение этнических компонентов населения менялось. С начала 1820-х (переписи Кускова) к середине 1830-х наблюдается тенденция к росту численности русских и креолов при сокращении численности и удельного веса «алеутов» (почти полностью кадьякцев). Индейцы в 1830-е по-прежнему составляли значительную часть населения (в основном жены поселенцев, но также ряд мужчин), при этом, ввиду происходившей аккультурации, на основе данных антропонимики дифференцировать их по этническому признаку трудно. Сохранялась и небольшая прослойка выходцев из Финляндии (в основном шведские и по крайней мере одна финская фамилия). По-прежнему мы наблюдаем в Россе и небольшое число якутов.

3. Принципы этносоциальной стратификации и основные страты

Обратимся непосредственно к проблеме социальной стратификации. Необходимо заметить, что в целом колониальное общество Русской Америки было сильно стратифицированным, причем этническая и социальная дифференциация отчасти совпадали. При этом среди факторов социальной мобильности в Русской Америке отмечают значение квалификации и лояльности [Lightfoot et al., vol. 1, 1991, p. 21].

Если же брать конкретный случай колонии Росс, то можно определенно утверждать, что там пестрота этнического состава населения сочеталась с его достаточно четкой (хотя иногда несколько условной) этносоциальной стратификацией по общему для всей Русской Америки типу, основанному на комбинации этнических и профессионально-образовательных признаков. Место индивида в этой стратификации определялось дифференциацией колонизаторов и туземцев, связанной с ней степенью культурной и государственно-политической близости к колониальной элите (что предполагало более высокую степень лояльности, легкости информационного обмена и совместного признания определенных ценностей), производственной квалификацией, формой и размером оплаты.

Население Росса достаточно определенно делится на пять слоев (страт). Предлагаемое американскими археологами деление населения Росса на четыре

группы [Lightfoot et al., vol. 1, 1991, p. 21—22] не учитывает значительной классовой неоднородности русского компонента, выделяемого ими целиком в верхний слой.

На вершине микросоциальной пирамиды в Россе стоял правитель конторы (его этническое происхождение не играло роли, как мы видим на примере К. Шмидта) — администратор колонии, подчинявшийся Главному правительству российских колоний в Америке. Непосредственный контроль над деятельностью конторы в Россе с 1820 года также осуществлял правитель Ново-Архангельской конторы в 1818—1832 годах К. Т. Хлебников, регулярно совершавший плавание в Калифорнию для закупки и доставки провизии. По существу он был неформальным куратором или инспектором колонии, посещая Росс на пути в испанскую Калифорнию и обратно. Правитель и остальные представители административного аппарата (один-два русских приказчика) составляли элиту местного общества — его наиболее высокооплачиваемую часть. К этой категории не относятся лица, получавшие административные полномочия без статусного оформления, или те, чей повышенный статус играл роль только внутри определенной этносоциальной страты («алеутский» тойон, возглавлявший «алеутов» — эскимосов Росса).

В столице Русской Америки Ново-Архангельске среди русской (попремиуществу) более высокооплачиваемой части населения выделялись категории «почетных» и «полупочетных». В документах колонии Росс мы встречаем упоминание «почетных» только один раз — в чисто ироническом ключе, когда К. Шмидт передает К. Т. Хлебникову ёрнические слова из уст другого жителя Росса, Ларионова [РвК, т. I, с. 531]. Выделялись ли здесь подобные прослойки — остается вопросом. Хотя некоторые зарубежные авторы упоминают их, анализируя социальную стратификацию в Россе [Lightfoot et al., 1991, p. 21], употребление данной терминологии в Россе известными нам фактами не подтверждается, хотя стратификация русского населения очевидна. При этом следует учитывать общую малочисленность русских в колонии Росс и особенно — малочисленность здесь административной элиты, хотя весьма вероятно какое-то выделение в неформальную промежуточную подгруппу, приближенную к административной элите, руководителей промысловых артелей или крупных производственных участков — Сыся Слободчикова, Ефима Мунина, Василия Грудина (первые двое в неофициальных документах упоминаются как приказчики, хотя в переписях Кускова им отказано в подобном статусе).

Вторую ступень этносоциальной иерархии составляли русские рабочие на жалованье РАК, так называемые «промышленные». В 18 веке русских участников промысловых экспедиций и работников торгово-промысловых компаний называли «промышленниками», но в 19 веке русских служащих РАК, не входящих в административную верхушку, чаще всего именовали «промышленными», тогда как название «промышленники» все чаще применялось к алеутам и кадьямкам, находившимся в составе промысловых партий, что отражало признание объективного факта: промыслом занимались не русские, а подвластные РАК туземцы.

К русским промышленным по социальному статусу примыкало некоторое число выходцев из Финляндии (все они были подданными России; проживание в колонии иностранцев случалось, но было редкостью).

Третью страту составляли креолы и немногочисленные чистокровные туземцы (индейцы и «алеуты»), состоявшие «в службе Компании» (то есть имевшие определенное невысокое жалование). Судя по переписям Кускова, промежуточное место между второй и третьей группой, но ближе к русским «промышленным», занимали якуты как представители евразийской части России, то есть связанные обязательствами не только с РАК (как, например, креолы), но и со своими сельскими общинами.

Четвертую страту составляли зависимые от РАК «алеуты», отправляемые в Калифорнию для зверобойного промысла, но фактически, по мере упадка «бобрового» промысла, в основном занятые либо охотой, либо чаще различными видами неквалифицированного труда, включая лесозаготовки. В других колониях РАК «алеуты» образовывали основание социальной пирамиды, но в Россе в 1820-е годы они уступили эту роль местным индейцам — наименее квалифицированной рабочей силе и наименее аккультурированному нерусскому компоненту населения.

Калифорнийские индейцы, занятые неквалифицированным трудом преимущественно в сельском хозяйстве, составляли пятую страту населения колонии, причем следует отделять индейцев, постоянно живших в селении Росс, — и сезонных рабочих, зачастую пригнанных насильно и даже не знавших оплаты в денежном эквиваленте. Если первые составляли неотъемлемую часть колониального общества, в 1830-е годы уже были крещены, носили русские имена и (за редкими исключениями) — русскую фамилию, то вторые были временными жителями колонии, и степень их временной включенности в колониальное общество ограничивалась самыми примитивными административно-экономическими взаимоотношениями.

Кроме мужчин-индейцев, распределявшихся между третьей и пятой группами, и пригнанных индеанок, необходимо еще отметить индеанок, находившихся замужем (в 1830-х годах церковные браки вытесняют сожительства, хотя, видимо, постепенно) и разделявших если не социальный статус, то во всяком случае имущественное положение своих мужей.

В отличие от ситуации при Кускове, в последующие десятилетия не только «алеуты» и креолы, но также русские и выходцы из Финляндии женятся на калифорнийских индеанках. Ко второй половине 1830-х подобные браки не были редкостью.

Вероятно, в этот же период (1820-е) формируется прослойка толмачей и бакеров (пастухов, от испанского *vaquero*) — более или менее аккультурированных индейцев, через которых в основном осуществлялись контакты с живущими вдали группами туземцев. В очерке Врангеля о поездке в долину р. Славянки (Русской, Рашэн-ривер) упоминается такой бакер, раненный незадолго до этого индейской стрелой [Врангель, 1835].

Вне колониального общества находились индейцы, не занятые (постоянно или временно) в хозяйстве колонии, но проживавшие на территории, контролируемые

администрацией Росса. Колониальными властями делалось различие между их отдельными этнотерриториальными общностями и оказывался некоторый почет главам локальных групп.

Индейцев Росса в 1830-е дифференцировать по этническому происхождению трудно, так как в большинстве своем они носили русские имена и фамилии (мужчины, очевидно, по крестному отцу), только несколько индейцев имели наряду с русскими индейские имена, которые чаще всего относятся к языку кашайа семьи помо (языку ближайших соседей селения Росс).

На этнодемографическую структуру решающее влияние оказывала меняющаяся экономика — снижение роли зверобойного промысла («алеуты») и возрастание роли земледелия и ремесел (индейцы и русские с финляндцами и креолами) — что в 1833 году было осознано Ф. Врангелем как особая проблема в развитии колонии. Прожив в Россе с семьей несколько месяцев, Врангель принял ряд мер по повышению жизненного уровня всех слоев жителей колонии — от русских промышленников до приходящих сезонников-индейцев, но индейская проблема привлекла его особое внимание. Индейцы к этому времени стали самым массовым (в летний сезон) компонентом рабочей силы в колонии. Во время пребывания Врангеля в Россе из 210 чел., разводимых по работам («алеуты» в это время находились на промысле морских бобров), 49 чел. были русские и креолы (часовые, «мастеровые», плотники, повара и проч.), 161 чел. — индейцы («для жнитвы, таски снопов, при молотильнях, у таски глины на кирпичи и проч»). Данные Врангеля показывают как распределение профессиональных обязанностей между стратами, которое подтверждает совпадение уровня квалификации с социальным статусом, так и решающую роль индейцев в развитии сельского хозяйства колонии. «Из сего очевидно бросается в глаза необходимость пособия индейцев», — пишет Врангель, отмечая, что без помощи последних «не было бы никакой возможности сожнать и стаскивать пшеницу с пашен в молотильны» [РвК, т. II, с. 97].

Последнюю черту под использованием Росса как базы зверобойного промысла (что привело бы к превращению «алеутского» компонента в этнодемографической структуре и соответствующей страты в этносоциальной структуре во второстепенный и малозначимый) пытался подвести следующий главный правитель колоний И. А. Купреянов, который в начале апреля 1838 года пришел к решению перевести из Росса всех «алеутов» на Кадьяк, поскольку в Россе они используются лишь для таких занятий, которые могут делать и русские, и поскольку в Калифорнии надежды на промысел в пользу РАК больше не остается. Купреянов поручил конторе заменить вывозимых «алеутов» в Россе постоянными работниками из местных индейцев. В Россе были оставлены экипажи только трех байдарок. Однако для Главного правления РАК в Петербурге решение Купреянова лишь послужило предлогом для ликвидации Росса.

Необходимо отметить две важнейшие разделительные линии, проходящие через социальную пирамиду колониального общества Росса.

Во-первых, принципиальная разница существовала между первой и остальными группами: представители административного аппарата имели более высо-

кий оклад жалования и прямой доступ к распределению материальных ценностей, от их власти зависело все остальное население (разумеется, в пределах полномочий, делегированных им РАК). Применительно к Россу это принципиальное различие не следует ни преувеличивать (ряд правителей Росса были должниками РАК, и им удавалось лишь погасить долг), ни преуменьшать, так как место правителя Росса было ступенькой к более высокооплачиваемым должностям — прежде всего правителя Ново-Архангельской конторы (именно так случилось с правителями конторы селения Росс П. И. Шелеховым и П. С. Костромитиновым).

Во-вторых, четкая грань проходит между первыми тремя группами (слоями), представители которых состояли в контрактных отношениях с РАК и получали фиксированное жалование (по безналичному расчету или колониальными «марками») — и «алеутами» — покоренными аборигенами Аляски, экономическая активность которых была обусловлена сочетанием трудовой повинности и принудительного найма. Как морские охотники, они получали фиксированную плату за каждую добытую шкуру калана, но лишь товарами или — чаще — списанием долгов, а как неквалифицированные разнорабочие (главным образом в роли которых они и выступали в Россе) — очень низкую поденную оплату в той же форме. Не случайно поэтому, что сообщение о начале открытого промысла калана (1823 год) они встретили, по свидетельству К. Шмидта [РвК, т. I, с. 511], с радостью — это была повинность, но более высоко вознаграждаемая и более привычная. Некоторое, впрочем, весьма ограниченное (в том числе по отсутствию юридической базы) сходство с ними в положении было и у индейцев: постоянно жившие в Россе мужчины-индейцы были, насколько мы знаем, главным образом разнорабочими на поденной оплате, а пригон на сезонные работы индейцев, живших вдали от Росса, являлся лишь началом становления той трудовой повинности, которая наложила столь сильный отпечаток на исторические судьбы алеутов и кадьякских эскимосов.

По своему социальному происхождению большинство русских в Россе были выходцами из мещан и крестьян. Однако социально-сословное происхождение не детерминировало строго социального положения в Русской Америке, оно лишь создавало условия для профессионально-образовательного роста, который позволял претендовать на то или иное место в колониальной иерархии. Однако сам факт принадлежности к русским исключал присоединение индивида к основанию социальной пирамиды, которым были «алеуты» и, в случае Росса, индейцы.

Географически места выхода представителей этой группы охватывали всю Россию — от Санкт-Петербурга до Камчатки. Как и везде в Русской Америке, выходцы с Русского Севера и из Сибири преобладали и в Россе, хотя здесь это большинство выглядит относительным: достаточно много было уроженцев и средней полосы европейской части России.

Россия была представлена и Якутской областью, коренное население которой, якуты, работали по контракту с РАК и вместе с русскими добрались до самой восточной точки Российской империи — селения Росс. В определении их социального статуса, по-видимому, играли роль не только место выхода и соответствующий исходный статус «иностранцев», но и связанные с этничностью компетенции: ско-

товодческие навыки (двое из пяти якутов в 1821 году отмечены И. А. Кузовым именно как занятые в животноводстве — «скотником» и «пастухом мелкого скота» [РвК, т. I, с. 429]), а также, возможно, плотники.

Следует отметить, что российская колонизация Калифорнии не означала переселение в Новый Свет или перемещение между колониями свободных колонистов, приехавших, чтобы навсегда здесь поселиться, основав собственное хозяйство. Жители Росса прибыли в колонию по контракту (русские, финляндцы, якуты) или по трудовой повинности («алеуты») и в большинстве своем (не считая, конечно, беглецов из Росса) стремились вернуться к себе на родину, но из-за долгов, которыми был обременен практически каждый, это удалось далеко не всем. Эта общность не-свободы определила и то обстоятельство, что побег из Росса совершали и русские промышленные, и алеуты, а если брать Русскую Америку в целом, то и «финляндцы» (А. Клинке и другие [Гринев, 2009, с. 235; РвК, т. II, с. 346]).

Раскопки исторического кладбища в Форт-Россе (1990—1992), проведенные Л. Голдстейн, подтверждают, что Росс имел многорасовый и полиэтнический состав населения. Хотя из-за высокой кислотности земли костные и иные останки сохранились очень плохо, а персональная идентификация каждого захоронения невозможна из-за отсутствия соответствующей документации и разрушения к настоящему времени когда-то стоявших на кладбище деревянных памятников и крестов, расовые признаки захороненных нередко удавалось определить — в основном по эмалевым остаткам зубов — американским физическим антропологам во главе с Д. Оусли (Смитсоновский институт), участвовавшим в раскопках. Кроме того, в некоторых захоронениях встречались отдельные предметы, косвенно указывавшие на этническое происхождение погребенных (бисерные украшения или пуговицы).

4. Заключение

В заключение необходимо остановиться на социально-исторической природе системы эксплуатации индейского населения в Россе. Использование русскими принуждения при мобилизации рабочей силы не было прямым аналогом пригона индейцев в испанские миссии. Русские пригоняли индейцев на время, вне связи с христианизацией или какими-то иными формами насильственной аккультурации, и создавали некоторую видимость компенсации их труда, удовлетворявшую какое-то время индейцев (питание было главным результатом экономической активности индейцев на воле, и, работая на РАК, они его получали, да еще вдобавок могли рассчитывать на подарок — грубую одежду или одеяла). Как показывал опыт, корми Компания индейцев получше — не было бы необходимости в насилии. Но РАК сэкономила на рабочей силе, а самое главное, при экстенсивных формах земледелия ей, по-видимому, требовалось гораздо больше нетребовательных индейцев-работников, чем их можно было получить добровольно.

И здесь приходит на память история колонизации Аляски. Известная в XIX веке система эксплуатации подчиненных РАК туземцев сформировалась не сразу. Одним из ее источников было хорошо описанное в XVIII веке М. Д. Левашовым так называемое «задалживание» алеутов, получавших аванс товарами

и отработавшими его, в результате чего они постепенно оказывались в кабале. Другой источник — прямое насилие: известны описания (М. Сауэр) того, как русские промышленники попросту гнали силой жителей того или иного алеутского селения на «бобровый промысел». Из этих двух корней и выросла своеобразная система эксплуатации, утвердившаяся в Русской Америке. В Русской же Калифорнии мы наблюдаем самое начало формирования этой системы. Будь здесь у российской колонии большой запас времени и пространства, мы увидели бы не формирование системы вольного найма уцелевших от насилия и болезней индейцев (пусть при крайне низком уровне оплаты), как в остальной части Калифорнии, а становление системы трудовых повинностей аборигенов, которая как раз имела аналог в Испанской Америке — но только не в Калифорнии, где утвердился миссионерский тип колонизации, а в Мексике и Перу, где в последней трети XVI — первой трети XVII веков государство на основе трудовых повинностей взяло на себя распределение зависимой рабочей силы аборигенов.

Идея о том, что практиковавшийся в Россе в 1830-е годы вид эксплуатации индейцев представлял собой одну из форм распространенных во владениях РАК повинностей туземного населения, была высказана еще в 1980 году, и тогда же обращено внимание на то, что своеобразие этой формы (метод привлечения рабочей силы) определялось кочевым (а не оседлым, как на Алеутских о-вах и Кадьяке) образом жизни коренного населения и его независимостью от русской администрации [Истомин, 1980, с. 63].

Первые признаки формирования устойчивой системы отношений, к которой уже начали адаптироваться обе стороны — колонизаторы и туземцы, мы находим в уже упоминавшемся описании А. Г. Ротчева: когда к индейцам прибывают из Росса разведчики-толмачи, то последние в ответ на приглашение явиться на работы получают странный ответ: «Пускай тоен (то есть Ротчев. — *А. И.*) придет взять нас» [Ротчев, 1854, с. 104]. Фраза эта допускает разные интерпретации, однако представляется, что ближе к истине такая: индейцы не хотели идти добровольно, но были уже приучены предшествующей практикой к мысли, что угон в Росс неизбежен, ибо сопротивление неэффективно; действительно, они отвечают стрельбой из луков при появлении русского отряда, но когда в плен попадают женщины (как заложницы), они вынуждены на следующий день присоединиться к отряду. По существу они уже отчасти смирились с трудовой повинностью — они идут на сезонные работы в колонию, но не «добровольно-принудительно», как «алеуты» на морской промысел, а пока просто принудительно, но с пониманием неизбежности происходящего (в развитии системы эксплуатации «алеутов» сходный этап также присутствовал, но к этому времени был уже пройден).

Однако даже если бы в Россе возникла система трудовых повинностей местных индейцев, ее существование не могло быть продолжительным. Колонизационный процесс развивался, и микросоциум колонии Росс необходимо видеть в динамике социально-демографических и аккультурационных процессов. Стабильного результата этих изменений мы не увидим: историческое развитие колонии свертывается в 1838 году и обрывается к 1841 году. Но тем не менее не-

которые стадии пройдены: мы видим раннюю форму этого микросоциума при И. А. Кускове и его более развитую и адаптированную к географическим и функциональным требованиям модификацию к концу правления П. С. Костромитинова. В случае сохранения Росса дальнейшее развитие колонии в рамках экономических интересов РАК должно было, как мы уже предполагали [РвК, т. I, с. 71], сопровождаться интенсификацией производства (механизация, использование агрономических достижений) и снижением значимости дешевой рабочей силы индейцев. В этом случае последние потеряли бы значение основания социальной пирамиды и были бы маргинализированы, отнесенны на периферию формирующегося общества, как это и случилось в США. Но история Русской Америки пошла иным путем.

Источники и принятые сокращения

1. Врангель Ф. П. Американцы Верхней Калифорнии / Ф. П. Врангель // Телескоп. — 1835. — Ч. 26. — С. 441—444.
2. Завойко В. Впечатления моряка во время двух путешествий кругом света / В. Завойко. — Санкт-Петербург : типография Е. Фишера, 1840. — Ч. 2. — 136 с.
3. РвК — *Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росса и российско-калифорнийских связях, 1803—1850* / сост. А. А. Истомин, Дж. Р. Гибсон, В. А. Тишков — Москва : Наука, 2005—2012. — Т. I. — 754 с.; Т. II. — 526 с.
4. Ротчев А. Г. Воспоминания русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост-Индии / А. Г. Ротчев // Пантеон. — 1854. — Т. 13, № 2. — С. 103—105.
5. Laplace C. P. T. Campagne de Circumnavigation de la Fregate L'Artemise, pendant les annees 1837, 1838, 1839 et 1840, sous lt commandant de M. Laplace, capitaine de la vaisseau / C. P. T. Laplace. — Paris, 1854. — Т. 6.
6. RC — *Russian California, 1806—1860: A History in Documents* / J. R. Gibson, A. A. Istomin (eds.). — London : Ashgate, 2014. — Vol. I. — 547 p.; Vol. II. — 640 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринев А. В. Кто есть кто в истории Русской Америки / А. В. Гринев. — Москва : Academia, 2009. — 672 с.
2. Истомин А. А. Индейская политика российской колониальной администрации в Калифорнии в 1821—1841 гг. / А. А. Истомин // Власть в аборигенной Америке. — Москва : Наука, 2006. — С. 457—481.
3. Истомин А. А. Русско-индейские контакты в Калифорнии в свете новых данных / А. А. Истомин // Американские индейцы: новые факты и интерпретации. — Москва : Наука, 1996. — С. 26—48.
4. Истомин А. А. Селение Росса и калифорнийские индейцы / А. А. Истомин // Советская этнография. — 1980. — № 4. — С. 57—69.
5. Фёдорова С. Г. Этнические процессы в Русской Америке / С. Г. Фёдорова // Национальные процессы в США. — Москва, 1973. — С. 166—167.
6. Istomin A. A. Indians at the Ross Settlement According to the Censuses by Kuskov, 1820—1821 / A. A. Istomin. — Fort Ross, California : Fort Ross Interpretive Association, 1992. — 37 p.

7. *Lightfoot K. G.* The Archaeology and Ethnohistory of Fort Ross, California / K. G. Lightfoot, T. A. Wake, A. M. Schiff (eds.). — Berkeley : University of California Press, 1991. — Vol. 1: Introduction. — 250 p.

8. *Lightfoot K. G.* The Archaeology and Ethnohistory of Fort Ross, California / K. G. Lightfoot, T. A. Wake, A. M. Schiff (eds.). — Berkeley : University of California Press, 1997. — Vol. 2: TheNativeAlaskanNeighborhood. — 428 p.

ETHNOSOCIAL STRATIFICATION IN THE RUSSIAN COLONY ROSS IN CALIFORNIA (1812—1841)¹

© **Alexei A. Istomin (2019)**, orcid.org/0000-0003-0394-5280, PhD in History, leading researcher, Department of America, The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russia), alaist-2009@mail.ru.

Ethnosocial stratification of the population of the Russian colony of Ross (now Fort Ross), which existed in California in 1812—1841 as an outpost of the Russian-American company is considered. A general description of the population of the Ross colony, its distribution, and ethno-demographic structure in its dynamics is given. The author concludes that in Ross the diversity of the ethnic composition of the population was combined with its quite clear (although sometimes somewhat conditional) ethnosocial stratification according to the type common to all of Russian America, based on a combination of ethnic and vocational educational features. It is shown that the individual's place in this stratification was determined by the differentiation of the colonialists and indigene, the degree of cultural and state-political proximity to the colonial elite, the production qualifications, the form and amount of payment associated with it. The author identifies five ethno-social strata as part of the Ross population: the administrative elite; Russian workers ("industrial"), which the Finnish and Yakut adjoined to; creoles (mestizos) and natives "in the service of the Company"; Aleuts dependent on the Russian-American company (mainly Kodiak Eskimos); local Indians, who became the "foundation" of the social pyramid. The most fundamental differences between the strata and the socio-historical nature of the system of exploitation of the Californian Indians are considered.

Key words: Russian America; Fort Ross; ethnosocial stratification; colonialism; colonization; California; Russian-American company; Indians.

MATERIAL RESOURCES

Laplace, C. P. T. (1854). *Campagne de Circumnavigation de la Fregate L'Artemise, pendant les annees 1837, 1838, 1839 et 1840, sous lt commandement de M. Laplace, capitaine de la vaisseau*. 6. Paris.

RC—Gibson, J. R. Istomin, A. A. (eds.) (2014). *Russian California, 1806—1860: A History in Documents*. London: Ashgate.

Rotchev, A. G. (1854). Vospominaniya russkogo puteshestvennika o Vest-Indii, Kalifornii i Ost-Indii. *Panteon*, 13/2: 103—105. (In Russ.).

RvK — Istomin, A. A., Gibson, Dzh. R., Tishkov, V. A. (eds.). (2005—2012). *Rossiya v Kalifornii: russkiye dokumenty o kolonii Ross i rossiysko-kaliforniyskikh svyazyakh, 1803—1850*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

1 It is published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

Vrangel, F. P. (1835). Amerikantsy Verkhney Kalifornii. *Teleskop*, 26: 441—444. (In Russ.).
Zavoyko, V. (1840). *Vpechatleniya moryaka vo vremya dvukh puteshestviy krugom sveta*. 2. Sankt-Peterburg: tipografiya E. Fishera. (In Russ.).

REFERENCES

- Fedorova, S. G. (1973). Etnicheskiye protsessy v Russkoy Amerike. In: *Natsionalnyye protsessy v SShA*. Moskva. 166—167. (In Russ.).
- Grinev, A. V. (2009). *Kto est' kto v istorii Russkoy Ameriki*. Moskva: Academia. (In Russ.).
- Istomin, A. A. (1980). Seleniye Ross i kaliforniyskiye indeytsy. *Sovetskaya etnografiya*, 4: 57—69. (In Russ.).
- Istomin, A. A. (1992). *Indians at the Ross Settlement According to the Censuses by Kuskov, 1820—1821*. Fort Ross, California: Fort Ross Interpretive Association.
- Istomin, A. A. (1996). Russko-indeyskie kontakty v Kalifornii v svete novykh dannykh. *Amerikanskiye indeytsy: novyye fakty i interpretatsii*. Moskva: Nauka. 26—48. (In Russ.).
- Istomin, A. A. (2006). Indeyskaya politika rossiyskoy kolonialnoy administratsii v Kalifornii v 1821—1841 gg. In: *Vlast' v aborigennoy Amerike*. Moskva: Nauka. 457—481. (In Russ.).
- Lightfoot, K. G., Schiff, A. M., Wake, T. A. (eds.). (1997). *The Archaeology and Ethnohistory of Fort Ross, California*. 2. Berkeley: University of California Press.
- Lightfoot, K. G., Wake, T. A., Schiff, A. M. (eds.). (1991). *The Archaeology and Ethnohistory of Fort Ross, California*. 1. Berkeley: University of California Press.